

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья
УДК 008:81'314
DOI: 10.20323/1813-145X-2026-1-148-236
EDN: XNKHBT

Культурные смыслы героического мифа о кентавре в поэзии Андрея Белого

Наталья Тимофеевна Тарумова

Кандидат культурологии, заведующий отделом научно-технической информации, Научно-исследовательский вычислительный центр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1/4
n-tarumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3988-0362>

Аннотация. Поэзия Белого является попыткой с помощью мифа выйти за пределы рационального мира, исследуя новые смысловые и эстетические пространства через символическую игру слов, образов и красок. Миф о героическом кентавре воплощает глубокие культурные смыслы, связанные с двойственной природой человека и его внутренним конфликтом. В греческой мифологии «кентавры – существа с туловищем лошади и торсом человека, символизируют единство животной инстинктивной природы и разумного духовного начала. Они олицетворяют противопоставление низшего и высшего внутри человека – слепую силу инстинктов и способность к сознательному суждению». Белый в своих стихах (например, в сборнике «Золото в лазури») неоднократно использует образ кентавра в различных ипостасях: как бородатого стража леса, как мечтателя, поющего над речкой, как участника драматической битвы. Эти герои символизируют напряжение между светом и тьмой, жизнью и смертью, природным и духовным началами. Кентавр становится носителем архетипических значений – единения в человеке животного начала и божественного просветления. Мифологический код кентавра у Андрея Белого – это не просто отсылка к древним сказаниям, а глубокий символический строй, отражающий культурные и философские коннотации эпохи Серебряного века, связанные с мифотворчеством, символизмом и стремлением к переосмыслению традиций через призму нового художественного сознания.

Ключевые слова: мифология; кентавр; культура; лингвокультурологический аспект; идиостиль; цветообозначения; поэзия; Андрей Белый

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова

Для цитирования: Тарумова Н. Т. Культурные смыслы героического мифа о кентавре в поэзии Андрея Белого // Ярославский педагогический вестник. 2026. № 1 (148). С. 236–242. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-236>. <https://elibrary.ru/XNKHBT>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

The cultural meanings of the heroic myth of the centaur in the poetry of Andrei Bely

Natalia T. Tarumova

Candidate of culturology, head of department of scientific and technical information, Research computing center, Lomonosov Moscow state university. 119234, Moscow, Leninskie gory, 1/4
n-tarumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3988-0362>

Abstract. Bely's poetry is an attempt to use myth to go beyond the rational world, exploring new semantic and aesthetic spaces through the symbolic play of words, images and colors. The heroic image of the centaur carries complex cultural meanings associated with the dual nature of man and his inner conflict. In Greek mythology, 'centaurs are creatures with the body of a horse and the torso of a human, symbolizing the unity of animal instinctive nature and intelligent spiritual principles. They embody the opposition of the lower and the higher within a person – the blind force of instincts and the ability to make conscious judgments'. In his poems (for example, in the collection «Gold in Azure») Bely repeatedly uses

the image of a centaur in various guises: like a bearded guardian of the forest, like a dreamer singing over a river, like a participant in a dramatic battle. These characters symbolize the tension between light and darkness, life and death, natural and spiritual principles. The centaur becomes the bearer of archetypal meanings – the unity of the animal nature and divine enlightenment within man. Andrey Bely's mythological code of the centaur is not just a reference to ancient legends, but a deep symbolic structure reflecting the cultural and philosophical connotations of the Silver Age era associated with myth-making, symbolism and the desire to rethink traditions through the prism of a new artistic consciousness.

Key words: mythology; centaur; culture; linguoculturological aspect; idiostyle; color designation; poetry; Andrei Bely

The study was carried out within the framework of a state assignment for Lomonosov Moscow state university.

For citation: Tarumova N. T. The cultural meanings of the heroic myth of the centaurus in the poetry of Andrei Bely. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2026; (1): 236-242. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-236>. <https://elibrary.ru/XNKHBT>

Введение

В статье термин «искусство слова» подразумевает авторское (в данном случае Андрея Белого) гармоничное использование художественных средств в поэзии, включая многозначность языка для передачи мысли и чувств через художественные образы и стилистические приемы. В поэзии Андрея Белого духи и мифы играют важную роль, выражая глубокие философские и мистические идеи. На основе прижизненных поэтических книг А. Белого и архивных документов К. Н. Бугаевой, вдовы писателя, были проанализированы и составлены таблицы образов мифов и духов, которые присутствуют в поэтических текстах Белого [ОР РГБ, Ф. 25, К. 52. Ед. хр. 1-2]. Мифология, выступая прототипической парадигмой для эволюции фольклорных жанров, представлена в работах А. Ф. Лосева («Диалектика мифа»), где миф интерпретируется как диалектическая структура бытия [Лосев, 1990], и Е. М. Мелетинского («Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники») [Мелетинский, 2000]. Миф как феномен социальной психологии, интегрирующий коллективное бессознательное и аксиологические конструкции, подвергается анализу в концепциях А. Н. Леонтьева [Леонтьев, 1983], К. Г. Юнга [Юнг, 1994], символ как структурная единица социальной мифологии – в работе С. П. Яцухно [Яцухно, 2020] и других представителей культурно-философской традиции. Специализированных публикаций, посвященных мифологическому образу кентавра в поэзии Андрея Белого практически нет в открытом доступе, что характерно для узконаправленной литературоведческой темы. Фрагментарно подобная тематика затронута в работах, связанных с символизмом, культурой и антропологией [Вольпе,

1940; Глухова, 2004; Делекторская, 2018; Иванова, 2013; Лавров, 2007; Спивак, 2010].

Результаты исследования

Кентаврический мотив проявляется в ранний период творчества А. Белого. Кентавр отражает внутренние противоречия человека, разрываемого между земными страстями и духовными устремлениями. Автор достигает этого через сложную символическую игру слов, ритмически организованных образов и ярких красок. Через эту символику Белый раскрывает культурные глубины античного мифа и подчеркивает вечное противоречие: стремление к героизму в мире раздвоенности [Белый, 1923, с. 13; Делекторская, 2018, с. 166–172]. Духи в стихах Белого часто выступают символами души, памяти, духовного начала, которое живет и действует за пределами обыденности, порождая мистический опыт и пророческое видение [Глухова, 1998]. Мифы – творчески переосмыслены как символы внутреннего мира и космического единства. Белый использует мифологические образы (например, кентавра, ангелов, божественных светил) для выражения своих идей о борьбе между светом и тьмой, духом и материей. Эти образы становятся ассоциативными ключами, которые помогают ему строить «сложные, многослойные поэтические картины, в которых пересекаются философия, мистицизм и символизм» [Зусева-Озкан, 2021, с. 15–27]. Образ Кентавра в мифологическом смыслообразовании в поэзии писателя можно отнести к модели «индивидуального смыслообразования», которая прослеживается в биографиях великих художников и писателей, в художественных произведениях, в создании собственных сценариев жизни» [Иванова]. Современники Белого – Федор Степун и другие критики серебряного века – отмечали у него склонность к иронии и игровому отношению

к мифам, в том числе к образу кентавра. В текстах Ф.А. Степуна (1884-1965), посвященных памяти Белого, где он фиксирует, что «образ кентавра у Андрея Белого отличается своей символической многогранностью и сочетанием романтической приподнятости с гротеском и насмешкой <...>. Его кентавр может быть одновременно грозным и комичным, в нем прослеживается и древняя сила, и современная ирония, что делает образ живым и сложным. Кентавр – это не столько фиксированный мифический персонаж, сколько подвижный символ, отражающий противоречия и мистические поиски Серебряного века» [Степун, 1995, с. 162-186]. Это подтверждается и в статье Т. Ю. Хмельницкой (1906-1997) «Литературное рождение Андрея Белого»: «Мифологические образы Белый вдвигает в современный ему быт, приземляет обыденностью, делает шутейными и зловеще-забавными» [Хмельницкая, 1985, с. 66–84]. В сборнике «Золото в лазури» [Белый, 1904] Андрей Белый попытался «выразить увлечения кружка “аргонавтов”»: культ В. С. Соловьева, апокалиптическое ожидания пришествия Царства Духа, обыгрывание сказочных сюжетов, развитие мифа о Язоне и его спутниках, устремляющихся в поисках золотого руна прочь от земли к солнцу...» – отмечала исследователь творчества писателя М. Л. Спивак [Спивак, 2010, с. 16; Вольпе, 1940, с. 13]. В поэзии А. Белого представлена значительная часть мифологических и сказочных животных (дракон, Змей Горыныч, змей, леший, кощей, чудовище, пегас, кентавр и др.) – 17 наименований, но первое место среди них по частотности упоминаний занимает кентавр (21). Животные в его стихах часто выступают как символы высших моральных и духовных качеств, как воплощение идей чистоты, жертвенности и духовного преображения, что является характерным приемом символизма и мистицизма в его творчестве. Например, образ единорога у Белого несет в себе символы чистоты и целомудрия, перекликаясь с христианской традицией, где единорог связан с Благовещением. Такие образы придают его поэзии глубину и многогранность. Описывая мифологического героя Белому свойственно создавать яркие, глубокие метафоры, антропоморфные образы и цветовые композиции, где животные становятся не просто данью природе, а символами мирового порядка, духовного начала и вечных истин, что отражает высокую интеллектуальность и духовность его поэзии. В данной статье предлагается анализ стихо-

творений: «Кентавр», «Игры кентавров», «Битва кентавров» и «Песнь кентавра» [Белый, 1904, с. 124, 126, 128, 131] с точки зрения символической игры слов, стилистических фигур речи, средств художественной выразительности, литературных приемов и цветовой композиции в многоплановом образе Кентавра. Этимология слова «кентавр» (или его латинизированной формы «центавр», происходящей из древнегреческого) обычно объясняется через составное словообразование из двух греческих корней: «колоть, рубить» и «бык». Это можно трактовать как «убийца быков», «охотник на быков», «погонщик быков» или даже «ковбой» (совр. этимология). «Кентавры – в древнегреческой мифологии дикие смертные существа с головой и торсом человека на теле лошади, обитатели гор и лесных чащ и отличаются буйным нравом и невоздержанностью» [Белова, 2001, с. 132]. В стихотворении «Кентавр» визуальный облик мифического героя – «мой исчезнувший брат», «взрывающий сырую землю копытами», «лукаво подмигивающий», «протягивающий длинные руки», «веселый кентавр», «весь день старый в золоте солнца играл среди зеленых ветвей с раскатыстым хохотом». В «Играх кентавров»: образ «бородатого, мохнатого и голого кентавра с поседевшим хвостом», «стоящего на страже у леса с тяжелой дубиной», «тревожно фыркаящий старик», «от зависти вражьей стережет жену и детей», кентавриха кормит ребенка (а не детеныша) «пьянящим своим молоком», а молодые кентавры трубят у ручья, вскакивают один на другого, «копытами стиснув спину, кусаясь и ржа», но заслышав врага «испуганно мчатся к пещере, вытянув шеи» – таким образом Андрею Белому удастся передать образ многодетной семьи кентавров. В «Битве кентавров» акцент на немом поединке: победитель заржал и бьет соперника мощным копытом, сраженный зажмуривает глаза в ожидании казни, кентавр-победитель замирает «хмурым изваянием с орлиным взором», «хлеща крутые бока и спину лошадиным хвостом». Описательный образ кентавра также представлен мифологической двурогой природой (*Двурогий кентавр забудок дождем / Мохнатой рукою рассыпал кругом.* «Сон») [Белый, 2006, с. 402]. Такая мифологическая двурога подчеркивает его глубинную природу и богатство символики, расширяя понимание кентавра как существа с противоречивыми началами и силой в этих противоположностях. Цветовая характеристика образа кентавра встретила один раз «Крича,

кентавр / Караковый процокал («Подъем») – поэт использует зооморфный колоратив, переносит землистый оттенок на мифическое существо как источник хаотичной жизненной силы [Белый, 2006, с. 235]. Кентавры женского пола, или кентавриды, кентаврихи редко встречались в текстах и мифах, играя в основном роль эпизодических персонажей, и зачастую их путали с нимфами (в древнегреческой мифологии нимфы, это божества-девы, которые олицетворяют природные силы и являются покровительницами определенных мест: рек, гор, лесов). В сравнении с мужскими кентаврами, визуальный образ кентаврихи более мягкий и элегантный, но сохраняет все основные атрибуты: тело лошади, человеческую верхнюю часть и иногда животные уши или гривы, указывающие на их гибридную сущность. При этом, немногие авторы, упоминающие об их существовании, описывали их как созданий прекрасных физически и духовно. Наиболее известной кентавридой является Гилонома, жена Киллара или Циллара: *«Пленила/Лишь Гилонома его (Киллара). Никакая меж полуживотных/Женщина краше ее не жила в надгорных дубравах»* [Публий Овидий Назон, 1977, с. 405, 410, 415]. В эпической поэме «Одиссея» (VIII в. до н. э.) Гомер не дает яркой картины семейной жизни кентавров и их детенышей, оставляя это пространство для домысливания [Гомер, 2018, с. 416]. Вопрос, чем выкармливались детеныши у кентавров – грудью или выменем – в поэтических текстах не описан. Изобразительная кентавриада более богата. На гравюре художника Яна ван дер Страта (1566–1628) «Семья Кентавров», опубликованной в качестве иллюстрации в книге, изданной около 1580 года и посвященной физиологии и питанию кентавров, вскармливание представлено в двух вариантах. Или более поздняя картина XVIII в. немецкого художника Иоганна Георга Хильтеншпергера (1806–1890) с одноименным названием, также вскармливание в двух вариантах. Андрей Белый в поэтических текстах рисует кентавров как архаичных, сильных и диких существ с выразительной внешностью: бородатые, шерстистые, голые, с тяжелыми дубинами и копытами, живущие в лесной и горной стихии и одновременно отражающие сложный образ единства человека и животного начала.

Проанализируем текст стихотворения «Кентавр», где строфы можно рассматривать как отдельные этапы движения мысли и чувств поэта, чтобы глубже понять структуру, символику

и смысл каждой части произведения, выявить разные эмоциональные оттенки, а также проследить развитие образов и настроения в тексте. Стихотворение «Кентавр» посвящено Василию Владимирову, с которым Андрей Белый был знаком еще со времен учебы обоих в гимназии Л. И. Поливанова и позже в Московском университете. Первая строфа – вступление, наполняет стихотворение мраком и отчаянием *«Был страшен и холоден сумрак ночной»*. Лирический герой чувствует себя одиноким, жаждет встречи с кентавром – образом брата и духовного близкого. Обращение *«брат дорогой»* показывает глубину личной связи. Темный свет *«сумрак ночной»* усиливает ощущение тревоги и тоски, а метафора *«одичалой души»* добавляет звериную дикость внутреннего состояния героя. Уже здесь раскрывается антропоморфность кентавра – он не просто миф, а близкий человек для героя. Во второй строфе – появление кентавра происходит драматично и живописно *«Со светочем кто-то на слезы бежал»*. Фраза *«копытами землю сырую взрывал»* акцентирует животную силу, а *«длинные руки протянул»* – человеческую теплоту и дружелюбность. Кентавр словно приходит из глубины времени *«из бездны веков»*, подчеркивая вечность и мистическую природу. Третья часть стихотворения несет свет и обновление. Стихотворная картина солнечного дня *«над лесом огнистое солнце зажглось»* и *«дождя незабудок»* символизирует возрождение, память и радость. Кентавр здесь предстает уже не пугающим мифологическим существом, а доброжелательным и веселым спутником: *«веселый кентавр среди лазурного дня»*, который осыпает героя символами вечной памяти и жизни – *«дождем незабудок осытал меня»*. Четвертая, завершающая строфа, символизирует переход, внутренний свет и трансформацию. Прощание не похоже на окончательное; оно наполнено светом и мистикой, что оставляет ощущение непредсказуемой многогранности жизни и смерти, наследия и памяти. Цветовая композиция, использованная в описании образа Кентавра в стихотворении построена на контрастах и символических оттенках. Красный и огненно-красный цвет – *«красным пламенем»*, *«красной звездикой»* и *«факелом красным»*, что символизирует силу, страсть, энергию жизни и одновременно – переход или прощание (символ огня как очищающего начала и света в темноте). Красный цвет здесь связывает животную стихию и духовное возрождение, под-

черкивая также многоплановость образа. Голубой и лазурный оттенки – создают атмосферу покоя, «*среди лазурного дня*», «*дождем забудок осыпал меня*». Эти холодные цвета уравновешивают огненные, придавая образу кентавра не только власть и страсть, но и глубину, связь с небесным, духовным. Темные и мрачные тона, почти черные и зеленовато-сосновые цвета – «*страшен и холоден сумрак ночной*», «*в чаще сосновой призывно кричал*» создают атмосферу тревоги и тайны, подчеркивая ощущение утраты и одиночества, из которых выходит кентавр как светлая фигура. Цветовая композиция, соединяя огонь, воду и тьму – стихии, которые метафорически отражают чувства и состояние героя через антропоморфный символ кентавра. Метафоры и образы, усиливающие двойственность кентавра у Андрея Белого, строятся на противопоставлении животного и человеческого начал, природы и культуры, дикости и духовности. Белый использует образ кентавра как существа с бородой и гривой, кричащее, бьющее копытами, одновременно символизирующего дикую силу и семейную заботу («*Кентавр/бородатый, / мохнатый/и голый/на страже/у леса стоит./ С дубиной тяжелой/ от зависти вражьей/жену и детей сторожит*»). Часто встречается метафора лесного хранителя, что подчеркивает соединение с природой и ее первозданностью. Связь кентавра с образом пламя и огня добавляет иррациональный слой к пониманию его природы. Совокупность этих метафор и образов: дикой природы и любящего брата, кричащее животное и заботливый друг, огонь-пламя и усталость, радость общения и трагический внутренний конфликт – все это отражает философские и художественные поиски Серебряного века.

В стихотворении «Игры кентавров» символический эффект цвета структурирует динамику сцены: от идиллии (золотое тепло солнца и юности, игры молодых кентавров, символизирующие жизненную энергию) к разрыву (серый старик, мгла), показывая цикличность жизни – от радости к дисциплине и страху. Холодные темные тона серый/седой/пасмурно-мглистый («*хвостом поседевшим, пасмурно-мглистый лес*»): отражают старость, мудрость и тревогу, усиливая образ стража. Отсутствие ярких белых или красных тонов акцентирует земную, животную сущность кентавров без возвышения. Цветовые образы в «Играх кентавров» усиливают тему семьи и охраны, противопоставляя тепло и свет (тепло подчеркивает уют пещеры, где кентавриха кор-

мит ребенка «*пьянящим своим молоком*», усиливая мотив материнства и преемственности) – мраку и холоду (угроза извне), что одновременно создает ощущение единого семейного организма в диких условиях и хрупкой гармонии первобытного рода. Имплицитные светлые тона (мохнатость, голость) также выделяют естественную, первозданную теплоту семьи на фоне леса, ассоциируя кентавров с гармоничным циклом жизни и размножения. В стихотворении «Игры кентавров» цветовая символика усиливается литературными приемами, такими как контраст: противопоставление золотого жара молодых кентавров («*согретые жаром тепла золотого*») серому, седому хвосту старика («*хвостом поседевшим*» и «*пасмурно-мглистому лесу*») создает напряжение между юностью/радостью и старостью/тревогой, усиливая тему цикличности жизни. Эпитеты: «*золотого тепла*», «*пасмурно-мглистый*» и «*поседевшим хвостом*» превращают цвета из простых описаний в носителей глубокого смысла – от плодородия («*золотого*» тепла) к состоянию тревожной бдительности через холод и угасание, усиливая эмоциональное воздействие текста, что типично для символизма Андрея Белого. Метонимия: цвета замещают целое (седой хвост – мудрость старика, золотой жар – семейная идиллия), тем самым усиливая эмоциональное воздействие. Эти приемы превращают цвета в активные символы, конструирующие художественный мир и передающие психологические состояния. Семантика цвета в стихотворении «Песнь кентавра» – это не просто наблюдение, а целенаправленное художественное решение писателя. Оно строится на контрасте холодных, меланхолических оттенков (бледность, синева) и ярких импульсов жизни (искра, гроза). Это отражает сложный внутренний мир кентавра: его тоску, одиночество, страсть и безмолвную борьбу с самим собой. То есть цвета участвуют в создании образа меланхолического мечтателя, находящегося на грани между спокойствием и бурей.

Выводы

Таким образом, кентавр у Андрея Белого воплощает идею героя как существа, разрывающегося между животным инстинктом и человеческим духом, где дикость сочетается с тягой к просветлению. В отличие от классического героя-одиночки, кентавр у Белого – коллективный архетип, преодолевающий хаос через образы семьи и битвы, символизирует внутренний героизм

в борьбе с судьбой. В стихотворении «Кентавр» – этот миф подчеркивает культурный конфликт между хаосом и порядком в человеческом опыте Серебряного века. В «Играх кентавров» образ раскрывает социальные смыслы: Белый антропоморфизирует миф и наделяет кентавров человечностью, что символизирует продолжение рода как акт культурного сопротивления хаосу и отражает мотив единства в многолетней общине против внешних угроз. В «Битве кентавров» акцентируется героический пафос. В «Песни кентавра» добавляется трагизм: поиск смысла в буре бытия. Цветовая гамма (золото солнца, лазурь, тени) интегрируется как часть общей символики, усиливая многоплановость и выразительность в поэтических текстах, отражая символизм Белого как мост между мифом и современностью.

Библиографический список

1. Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. Москва : Индрик, 2001. С. 132. URL: <https://RodnoVery.ru> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Белый А. Золото в лазури. Москва : Книгоиздательство Скорпион, 1904. С. 124, 126, 128, 131.
3. Белый А. Стихотворения / вступ. статья А. Белого. Берлин ; Петербург ; Москва : Изд-во З. И. Гржебина, 1923. 505 с.
4. Белый А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. Санкт-Петербург : Академический проект ; Москва : Прогресс-Плеяда, 2006. 654 с. Т. 2. С. 167-618, 235, 402.
5. Вольпе Ц. С. А. Белый. Стихотворения / вступ. статья, ред. и прим. Ц. Вольпе. Ленинград : Советский писатель, 1940. С. 3–52.
6. Глухова Е. В. Миф о Софии в «Северной симфонии» А. Белого // Труды РАШ. Вып. 1. URL: http://old.old.imli.ru/structure/russianXIX_XX/glukhova.php (дата обращения: 12.11.2025).
7. Глухова Е. В. «Посвятительный миф» в биографии и творчестве Андрея Белого. Москва, 1998. 184 с.
8. Гомер. Одиссея. Москва : Эксмо. Всемирная литература, 2018, 416 с.
9. Делекторская И. Б. Мифотворчество Андрея Белого в «Одной из обителей царства теней» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 166–172.
10. Зусева-Озкан В. Б. Валькирический миф в творчестве Андрея Белого // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 15–27.
11. Иванов Е. В. Мифологическое смыслообразование: Образ культурного героя. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-smysloobrazovanie-obraz-kulturnogo-geroya> (дата обращения: 19.11.2025).
12. Лавров А. В. Петербург до «Петербурга» в мифопоэтике и творчестве Андрея Белого: Разыскания и этюды. URL: <http://bugayev.ru/lavr2.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).
13. Леонтьев А. Н. Образ мифа (1979) // Избран. психол. произведения: в 2. Т. 2. Москва, 1983. С. 251–261.
14. Лосев А. А. Диалектика мифа // Из ранних произведений. Москва : Правда, 1990. 655 с.
15. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Восточная литература, 2000. 406 с.
16. Бугаева К. Н. Указатель имен и названий в стихотворениях А. Белого // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва. (ОР РГБ, М). Ф. 25. К. 52. Ед. хр. 1-2.
17. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Кн. XII. / пер. с лат. С. В. Шервинского ; прим. Ф. А. Петровского. Москва : Художественная литература, 1977. С. 405, 410, 415.
18. Спивак М. Л. Андрей Белый / Поэзия Московского университета: от Андрея Белого до Павла Флоренского : сб. ст. Москва : НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова – Бослен, 2010. 400 с.
19. Степун Ф. А. Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. ст. В. М. Пискунова ; Комм. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. Москва, 1995. С. 162–186.
20. Хмельницкая Т. Ю. Литературное рождение Андрея Белого // Блоковский сборник VI. А. Блок и его окружение. 1985. С. 66–84.
21. Хмельницкая Т. Ю. Поэзия Андрея Белого // Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. Москва ; Ленинград, 1966. С. 40–41, 13.
22. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Москва : Канон, 1994. 119 с.
23. Яцухно С. П. Символ как структурная единица социальной мифологии // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 276–278.

Reference list

1. Belova O. V. Slavjanskij bestiarij: Slovar' nazvanij i simboliki = Slavic bestiary: dictionary of names and symbols. Moskva : Indrik, 2001. S. 132. URL: <https://RodnoVery.ru> (data obrashhenija: 12.11.2025).
2. Belyj A. Zoloto v lazuri = Gold in azure. Moskva : Knigoizdatel'stvo Skorpiion, 1904. S. 124, 126, 128, 131.
3. Belyj A. Stihotvorenija = Poems / vstup. stat'ja A. Belogo. Berlin ; Peterburg ; Moskva : Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1923. 505 s.
4. Belyj A. Stihotvorenija i pojemy = Poems and shot novels: v 2 t. / vstup. st., podg. teksta, sostav, primech. A. V. Lavrova i Dzhona Malmstada. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt ; Moskva : Progress-Plejada, 2006. 654 s. T. 2. S. 167-618, 235, 402.
5. Vol'pe C. S. A. Belyj. Stihotvorenija = A. Bely. Poems / vstup. stat'ja, red. i prim. C. Vol'pe. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1940. S. 3–52.
6. Gluhova E. V. Mif o Sofii v «Severnoj simfonii» A. Belogo = The myth of Sophia in A. Bely's Northern Symphony // Trudy RASh. Vyp. 1. URL:

http://old.old.imli.ru/structure/russianXIX_XX/glukhova.php (data obrashhenija: 12.11.2025).

7. Gluhova E. V. «Posvjatitel'nyj mif» v biografii i tvorčestve Andreja Belogo = «Dedicatory myth» in the biography and work of Andrei Bely. Moskva, 1998. 184 s.

8. Gomer. Odisseja = Odyssey. Moskva : Jeksmo. Vsemirnaja literatura, 2018, 416 s.

9. Delektorskaja I. B. Mifotvorčestvo Andreja Belogo v «Odnog iz obitelej carstva tenej» = Myth-making by Andrei Bely in «One of the abodes of the kingdom of shadows» // Literaturnyj fakt. 2018. № 10. S. 166–172.

10. Zuseva-Ozkan V. B. Val'kiricheskij mif v tvorčestve Andreja Belogo = Valkyric myth in the work of Andrei Bely // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 467. S. 15–27.

11. Ivanova E. V. Mifologičeskoe smysloobrazovanie: Obraz kul'turnogo geroja = Mythological meaning formation: Image of a cultural hero. URL: <https://www.dissercat.com/content/mifologičeskoe-smysloobrazovanie-obraz-kul'turnogo-geroya> (data obrashhenija: 19.11.2025).

12. Lavrov A. V. Peterburg do «Peterburga» v mifopojetike i tvorčestve Andreja Belogo: Razyskanija i jetjudy = Petersburg to «Petersburg» in the mythopoetics and work of Andrei Bely: Searches and studies. URL: <http://bugayev.ru/lavr2.pdf> (data obrashhenija: 19.11.2025).

13. Leont'ev A. N. Obraz mifa = Image of a myth (1979) // Izbran. psihol. proizvedenija: v 2. T. 2. Moskva, 1983. S. 251–261.

14. Losev A. A. Dialektika mifa = Dialectics of myth // Iz rannih proizvedenij. Moskva : Pravda, 1990. 655 s.

15. Meletinskij E. M. Pojetika mifa = Poetics of myth. Moskva : Vostochnaja literatura, 2000. 406 s.

16. Bugaeva K. N. Ukazatel' imen i nazvanij v stihotvorenijah A. Belogo = Index of names and titles in poems by A. Bely // Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki, Moskva. (OR RGB, M). F. 25. K. 52. Ed. hr. 1–2.

17. Publij Ovidij Nazon. Metamorfozy = Metamorphoses Kn. XII. / per. s lat. S. V. Shervinskogo ; prim. F. A. Petrovskogo. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. S. 405, 410, 415.

18. Spivak M. L. Andrej Belyj = Andrej Bely / Pojezija Moskovskogo universiteta: ot Andreja Belogo do Pavla Florenskogo : sb. st. Moskva : NIVC MGU im. M. V. Lomonosova – Boslen, 2010. 400 s.

19. Stepun F. A. Vospominanija ob Andree Belom = Memories about Andrei Bely / Sost. i vstup. st. V. M. Piskunova ; Komm. S. I. Piskunovoj, V. M. Piskunova. Moskva, 1995. S. 162–186.

20. Hmel'nickaja T. Ju. Literaturnoe rozhdenie Andreja Belogo = Literary birth of Andrei Bely // Blokovskij sbornik VI. A. Blok i ego okruženie. 1985. S. 66–84.

21. Hmel'nickaja T. Ju. Pojezija Andreja Belogo = Poetry of Andrei Bely // Belyj Andrej. Stihotvorenija i pojemy. Moskva ; Leningrad, 1966. S. 40–41, 13.

22. Jung K. G. Psihologija besoznatel'nogo = Psychology of the unconscious. Moskva : Kanon, 1994. 119 s.

23. Jacuhno S. P. Simvol kak strukturnaja edinica social'noj mifologii = Symbol as a structural unit of social mythology // Molodoj učenij. 2020. № 15 (305). S. 276–278.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.